

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

М.В. ЗИНИНА
(Волгоград)

ОБРАЗ АНГЛИИ В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ Н.В. ГОГОЛЯ

Английский контекст творчества Н.В. Гоголя анализируется с позиций имагологии. Выявляются историко-культурные коннотации английских реалий в произведениях писателя, соотношение стереотипов национального сознания и авторского восприятия образа Англии в поэтике писателя.

Ключевые слова: *имагология, Гоголь, образ Англии, английский контекст, «свое – чужое».*

На связь творчества Н.В. Гоголя с английской литературной традицией критика обратила внимание еще при жизни автора. Так, Н. А. Полевой, говоря о маске повествователя «Вечеров на хуторе близ Диканьки» пасечника Рудого Панька, увидел в этом лишь слепое подражание В. Скотту, отсутствие самобытности и, как следствие, таланта писателя: «Что у вас за страсть быть Вальтер Скоттиками? Что за мистификации? Неужели все вы, гг. Сказочники, хотите быть великими незнакомцами?» [18, с. 91]. Пушкин и Белинский, напротив, полагали, что в творческом соревновании с самым популярным у российских читателей этой эпохи шотландским романистом Гоголь несколько не уступает его таланту. В своей рецензии на второе издание «Вечеров...» и в отзыве к «Арабескам» и «Миргороду» Пушкин писал: «Вслед за тем явился “Миргород”, где с жадностью все прочли и “Старосветских помещиков”, эту шутивную, трогательную идиллию, которая заставляет вас смеяться сквозь слезы грусти и умиления, и “Тараса Бульбу”, коего начало достойно Вальтер-Скотта. Г. Гоголь идет еще вперед. Желаем и надеемся иметь часто случай говорить о нем в нашем журнале» [19, с. 237].

В отечественном гоголеведении английская тема стала предметом пристального изучения. Наиболее фундаментальный труд, вобравший в себя анализ западноевропейского, и в частности английского, контекста, принадлежит А. Елистратовой [6]. В своей моно-

графии «Гоголь и проблемы западноевропейского романа» она сопоставляет произведения писателя с творчеством Байрона, Диккенса, Филдинга, Теккерея. Типологические и генетические связи творчества Гоголя с Чосером, Шекспиром, Стерном, английскими романтиками рассматривались в работах А. Горбунова, А. Евдокимова, Е. Дмитриевой, Л. Аринштейна и др. В диссертации Е. Лившиц «Английский контекст творчества Гоголя. Н.В. Гоголь и Ч.Р. Метьюрин» (2001) [9] были предложены два пути исследования творчества Гоголя в английском контексте:

1) поиск сходств и отличий в творчестве российского писателя и английских авторов, известных Гоголю (упоминания в художественной и нехудожественной литературе);

2) поиск параллелей, исходя из самих гоголевских текстов.

Первый подход позволяет сравнить Гоголя с Шекспиром, Байроном, Скоттом, Филдингом, Диккенсом и даже Ричардсоном. Второй значительно расширяет компаративный аспект и добавляет имена Стерна, Т. Мура, Метьюрина.

С новых позиций анализирует английский контекст творчества Гоголя Т. Демидова. В своей работе «Английская литература и творчество Н.В. Гоголя» она указывает на генетическое сходство произведений Джона Беньяна и Гоголя, разворачивает намеченную рядом ученых (Аринштейн, Маркович, Осокин) линию «Роберт Саути – Гоголь» и, что особенно существенно, выходит на новый аспект изучения творчества русского автора – «Роберт Бернс – Гоголь». Вслед за А. Елистратовой, но более подробно, Т. Демидова исследует типологическое сходство Гоголя с Диккенсом и Теккереем [4].

Даже беглый обзор основных гоголеведческих работ по изучаемой теме позволяет сделать вывод о высокой степени изученности английской литературной традиции в творчестве Гоголя. Плодотворность ее исследования не требует доказательств. Однако нам представляется, что при изучении проблемы «Гоголь и Англия» необходимо выйти за рамки сугубо литературоцентрического подхода и рассмотреть ее в более широкой культурно-исторической перспективе. Для нас важно выяснить особенности восприятия писателем образов Англии и англичан сквозь призму национальных стереотипов, сложившихся в русской культуре его времени.

В современном литературоведении активно развивается так называемая «вспомогательная» наука – имагология, теоретическое обоснование которой, согласно замечанию Е. Папиловой, восходит к трудам А. Веселовского. В своей работе «Имагология как гуманитарная дисциплина» Е. Папилова дает ей такое определение: «Имагология – научная дисциплина, имеющая предметом изучения образы “других”, “чужих” наций, стран, культур, инородных для воспринимающего субъекта. Образ “чужого” изучается в имагологии как стереотип национального сознания, т. е. как устойчивое, эмоционально насыщенное, обобщенно-образное представление о “чужом”, сформировавшееся в конкретной социально-исторической среде. Из этого следует, что имагология не только раскрывает образ “чужого”, но также, в связи с процессами рецепции и оценки, характеризует и сам воспринимающий субъект, т. е. отражает национальное самосознание и собственную систему ценностей» [17, с. 31].

Рассматривая творчество Гоголя в означенном направлении, прежде всего необходимо установить: был ли писатель в Англии, видел ли англичан, общался ли с ними и имел ли в связи с этим непосредственное представление о них?

К сожалению, точных фактов, доказывающих пребывание Гоголя в Англии, мы не находим. Однако интерес писателя к этой стране сомнению не подвергается – Гоголь, действительно, интересовался Англией и планировал посетить ее. Подтверждением этого служат его письма 1846–1847 гг.

В письме Жуковскому от 16 марта 1846 г. Гоголь сообщает о своих намерениях: «Мне нужно непременно вас видеть до вашего отъезда в Россию и о многом кой-чем переговорить. Путешествие и дорога мне помогали доселе лучше всяких средств и лечений, а потому весь этот год я осуждаю себя на странствие. Летом объеду всю Германию, *заеду в Англию, которой не знаю*, и в Голландию, которой тоже не вид<ел>» [3, т. XIII, с. 454]. Примерно то же, спустя неделю, Гоголь пишет и Языкову: «Летом, если бог поможет, объезжу Голландию, Англию, включая сюда купанье в море или греффенбергские проделки <...>» [Там же, с. 47]. Тогда же делится своим намерением и с Вьельгорскими: «Хочу побывать в Англии, Голландии» [Там же, с. 50].

А годом позже и с А.П. Толстым: «Через неделю или полторы приедет сюды Хо-

мяков, который *собирается также в Лондон; мне бы также хотелось взглянуть*. Хомяков может, по моему мнению, больше, чем кто-нибудь другой, поговорить с англичанами толково о православии» [Там же, с. 352].

В своем послании к Аненкову Гоголь советует ему посетить Англию, чтобы лучше понять страну и не торопиться с выводами касательно нее. Однако на этом Гоголь и останавливается: желание не находит реализации. Вряд ли Гоголь стал бы скрывать свое английское путешествие в письмах – мы непременно обнаружили бы его описание.

Т. Демидова предлагает следующее объяснение настойчивого желания писателя побывать в Англии: «Гоголь мечтал посетить Англию, но “стремление его взглянуть на Россию из английского уголка” не осуществилось. В “Мертвых душах” писатель замечает: “сердцеведением и мудрым познанием жизни отзовется слово британца”. Идея восхождения, столь родная для Англии в силу национальной любви к вертикали, высоте, Богу, должна была привлекать Гоголя, на родине которого доминировала горизонтальная растянутость расстojаний. Этим и объясняется интерес к Англии, ее литературе у Гоголя» [4, с. 8].

В своей работе «“Чужое” глазами Гоголя: по страницам поэмы “Мертвые души” и переписки» Е. Замыслова пишет: «Характеризуя языки разных европейских народов, Гоголь остроумно выделяет основные, с его точки зрения, национальные черты англичан, французов и немцев. Причем отметим, что, судя по эпитетам, англичанам Гоголь симпатизирует больше, чем французам и немцам» [7].

Говорить о правомерности такого вывода лишь на основании эпитетов, на наш взгляд, не вполне корректно. Для этого необходимо обратиться к анализу английских образов и реалий в текстах писателя. Ограничимся для начала теми художественными произведениями Гоголя, в которых есть немалое число прямых или косвенных упоминаний об Англии и англичанах. Это сборник «Миргород», комедии «Ревизор» и «Женитьба», поэма «Мертвые души».

Как известно, Великобритания сыграла особую роль в Отечественной войне 1812 г., тема которой красной нитью проходит через поэму «Мертвые души». Гоголь не дает в ней точных указаний о времени действия, однако замечает, что скупку мертвых душ Чичиков начинает почти сразу после разгрома французских войск.

Начало поэмы «Мертвые души» знакомит нас с ее главным героем и сообщает, что его приезд в город NN, где разворачиваются события книги, «не произвел <...> совершенно никакого шума и не был сопровожден ничем особенным, только два русские мужика, стоявшие у дверей кабака против гостиницы, сделали кое-какие замечания...» [3, т. VI, с. 7]. Это указание на национальную принадлежность персонажей привлекло внимание В. Беляева. Действие поэмы, и Гоголь это обозначает сразу, происходит нигде иначе, как в России. В своей работе «Россия и Наполеон в поэме Гоголя “Мертвые души”» исследователь задается вопросом: зачем же необходимо подчеркивать без того – казалось бы – очевидное? Он пишет: «Без учета темы нашествия Наполеона на Россию никакого объяснения ни их кратковременному появлению в самом начале повествования (и нигде более в дальнейшем), ни слову “русские” мы не находим» [1, с. 67].

Связь «Повести о капитане Копейкине» с темой войны очевидна, как и очевиден ее английский контекст. Англия здесь упоминается трижды. И, так или иначе, в связи с особенностями русско-английских политических отношений этой эпохи.

По мнению историка А.А. Чайки, Великобритания была доминантой в расстановке сил во внешней политике того времени и, в частности, в войне 1812 г. Изначально Наполеон не планировал сражаться с Россией, его главным противником была Англия, но «из-за невыполнения ею (Россией. – М.З.) главного условия Тильзитского (1807 года) мира – осуществлении экономической блокады Англии» [20] война все же началась. И из союзника Россия превратилась в главного противника.

«Царствование Александра I явно не угрожало интересам Англии. Англия следила за русской политикой, за всем, в стране происходившим. И Англия старалась при этом влиять на элиту российского общества, на аристократию. В стране быстро росло число масонских лож, французского, германского и английского обряда», – отмечает историк [Там же]. Неожиданное сближение с Великобританией, по его мнению, произошло во многом благодаря российскому дворянству. «Прекращение торговли с Англией больно било по его карману. Более того, произошел всплеск проанглийских настроений и враждебности к Александру I, и императору ничего не оставалось сделать, как объединиться с Англией против Франции. Однако Россия стала не более чем марионеткой

в руках английского правительства. Кстати, а кто все же стал победителем Наполеона? Кутузов? Александр I? Русская армия, гнавшая его от стен Москвы в Париж? Никак нет. Победили в войне с Наполеоном те, кто выиграл у него последнее сражение. Война закончилась, как известно, сражением под Ватерлоо, а русских войск там уже не было. Этими победителями оказались англичане! Именно об этом пишут английские учебники по истории» [Там же].

В «Повести о капитане Копейкине» возникает мифологема «Чичиков-Наполеон», основанная на убеждении городских чиновников о неизменном политическом соперничестве Англии и России: «Из числа многих, в своем роде, сметливых предположений наконец одно было, странно даже и сказать, что не есть ли Чичиков переодетый Наполеон, что *англичанин издавна завидует, что, дескать, Россия так велика и обширна*, что даже несколько раз выходили и карикатуры, где русский изображен разговаривающим с англичанином. *Англичанин стоит и сзади держит на веревке собаку, и под собакой разумеется Наполеон*. “Смотри, мол”, говорит, “если что не так, так я на тебя сейчас выпущу эту собаку!” И вот теперь они, может быть, и выпустили его с острова Елены, и вот он теперь и пробирается в Россию будто бы Чичиков, а в самом деле вовсе не Чичиков» [3, т. VI, с. 205].

Этот национальный стереотип негативно воспринят Англией и ее политики в массовом русском сознании впервые обозначается Гоголем в повести «Старосветские помещики», открывающей сборник «Миргород»: «Часто речь заходила и об политике. Гость <...> рассказывал, что *француз тайно согласился с англичанином выпустить опять на Россию Бонапарта <...>*» [Там же, т. II, с. 25]. Этот мотив получает свое развитие в одной из петербургских повестей – «Записках сумасшедшего»: «<...> я знаю, приятель, что тебя водит англичанин. *Англичанин большой политик. Он везде юлит. Это уже известно всему свету, что когда Англия нюхает табак, то Франция чихает*» [Там же, т. III, с. 213].

Однако вернемся к «Повести о капитане Копейкине». Английские карикатуры, о которых упоминают городские чиновники в своих толках о Чичикове, действительно пользовались в то время большой популярностью. Вот что замечает по этому поводу историк русской живописи: «В Англии художники и журналисты могли более свободно высмеивать Наполеона, а потому каждый его поступок находил

здесь строгую оценку в ядовитой статье или в злой карикатуре. Нужно к этому еще прибавить, что нигде так высоко в то время не стоял этот род живописи, как здесь. Этому способствовали отсутствие чрезмерно стеснительных цензурных условий, с одной стороны, и продолжительное культивирование карикатуры – с другой» [14, с. 197]. Русские художники, как, например, самый известный карикатурист эпохи войны 1812 г. И. Тербенев, вслед за английскими коллегами стали изображать Наполеона-завоевателя в образе собаки. Пожалуй, самым известным был сюжет карикатуры, в которой Наполеон предстает в образе корсиканской ищейки, а Англия – в образе английского бульдога.

Смеем предположить, что эта же экономическая и политическая подоплека (сохранение Англии в качестве выгодного партнера и союзника в войне с Наполеоном) косвенно отражена и в другом эпизоде повести: «На тротуаре, видит, идет какая-то *стройная англичанка, как лебедь*, можете себе представить, эдакой. Мой Копейкин – кровь-то, знаете, разыгралась – побежал было за ней на своей деревяшке: трюх-трюх следом...» [3, т. VI, с. 202]. Хотя, возможно, красавица-англичанка – здесь не более, чем петербургская экзотика. Вряд ли случайно до встречи с этой приятной особой Копейкин пировал в ресторане с неоднозначным названием «Лондон».

Но не будем забегать столь далеко и рассмотрим образ лебеди / лебедя в контексте мифопоэтической символики, где он приобретает дополнительные коннотации. Лебедь – персонаж, прочно вошедший в русский фольклор. В своей работе «К вопросу об источниках пушкинских морских образов» Т.Г. Мальчукова обращает внимание на имя героини былины «Михайло Потык» – «Марья лебедь белая» и описание трудной задачи в былине «Сухмантий Одихмантьевич» – привезти «лебедь белую, белу лебедь живьем в руках, не ранену, не кровавлену» [10, с. 74]. Такая лебедь – существо изящное, особенное, грациозное, волнуемое мужской ум и одновременно с этим – диковинка и трофей. А ведь примерно такой и предстает англичанка перед Копейкиным.

Возможно, здесь имеет место и кулинарная ассоциация: лебедь не как диковинка, но как дичь, блюдо. В книге «Русский мир» А.В. Павловская отмечает: «В сказке на пиру у князя Владимира злой и жестокий Тугарин Змеевич “кладет ковригу за щеку, а другую за другую кладет; на язык кладет целого лебедя,

пирогом попихнул – все вдруг проглотнул”». Лебедями питается и князь Игорь («Слово о полку Игореве»), убегая из плена: «избивал гусей и лебедей к завтраку, и к обеду, и к ужину». Находит Павловская и интересное воспоминание англичанина Ченслера о роскоши пиров Ивана Грозного: «...Тогда вносят царское угощение из лебедей, нарезанных кусками; каждый лебедь – на отдельном блюде. Великий князь рассылает их так же, как хлеб, и подающий говорит те же слова, как и раньше» [16]. И вот тут самое время вернуться к «Лондону», в котором откушал Копейкин, – одному из старейших трактирных заведений Санкт-Петербурга, где «за весьма умеренную плату» угощали «русскими кушаньями, усовершенствованными влиянием иностранной кухни» [2, с. 227].

Несколько прямолинейно эпизод с англичанкой толкует А. Орлов, автор книги «“Теперь я вижу англичан вблизи...”»: Британия и британцы в представлениях россиян о мире и о себе (вторая половина XVIII – первая половина XIX вв.). Очерки: «Что он (Копейкин. – М.З.) увидел в образе англичанки? Жизнь, где мог стать полноценным человеком, обзавестись семьей и детьми? Или он просто хотел доказать себе, что храбрый офицер при всех увечьях достоин внимания женщины? Мы этого не знаем, но, видимо, Гоголь не зря поставил рядом униженного русского ветерана и гордую иностранную красавицу» [13, с. 88].

В повести мы встречаем еще одно – третье – упоминание об Англии. Рассказ почтмейстера был прерван справедливым замечанием, что Чичиков никак не может быть Копейкиным, так как и руки, и ноги у него в наличии. «Однако ж, минуто спустя, он тут же стал хитрить и попробовал было вывернуться, говоря, что, впрочем, *в Англии очень усовершенствована механика*, что видно по газетам, как один изобрел деревянные ноги таким образом, что при одном прикосновении к незаметной пружинке уносили эти ноги человека бог знает в какие места, так что после нигде и отыскать его нельзя было» [2, т. VI, с. 205]. То, что Великобритания является родоначальницей технического прогресса, у персонажей Гоголя не вызывает сомнений. Однако подтверждением, что именно в Англии был изобретен первый деревянный протез, мы не владеем. Напротив, ряд источников указывает на то, что изобретателем протеза является русский механик-самоучка – Кулибин. Так называемая «механическая нога» ста-

ла прообразом современных протезов и могла использоваться для замены ампутированных в бедре и голени ног. К сожалению, к этой «придумке» Кулибина, как и ко многим другим, должным образом на его родине не отнеслись, и серийное производство протезов в России так и не было налажено. Один из биографов Кулибина пишет, что в 1791 г. к Кулибину обратился офицер Непейцын, потерявший ногу под Очаковым во время Русско-турецкой войны. Именно тогда и пришла к известному самоучке эта идея – создать протез. И в скором времени Кулибин все-таки изобрел «механическую ногу», благодаря чему Непейцын не только вернулся к полноценной жизни, но и стал завсегдатаем балов и прочих светских мероприятий [8].

Другой биограф изобретателя «отмечал, что какой-то иностранный изобретатель вывез один из протезов Кулибина за границу, наладил там их производство, прославился и обогатился. Косвенно это подтверждается копией заметки из “С.-Петербургских ведомостей” о рассмотрении Наполеоном протезов, предметных изобретателем Мельцелем; заметка эта хранится среди бумаг Кулибина» [15, с. 94]. В книге Жозефины Яновской «Кулибин» излагается версия о том, что за счет русского изобретения обогатился некий француз: «А через некоторое время какой-то француз представил подобный протез Наполеону. За это он получил награду. В его распоряжение была предоставлена большая сумма денег, так что он наладил массовое производство протезов и снабжал ими французскую армию во время войны 1812 года, на чем прославился и разбогател» [21, с. 80].

Новейшее исследование вопроса отдает приоритет англичанам: «В 1800 г. англичанин Д. Поте получил патент на искусственную деревянную ногу со сгибающимся коленным и голеностопным шарнирами. Движение Протеза регулировалось специальными тягами. Судя по описанию конструкции, этот протез был создан по образцу кулибинского» [12, с. 311].

Однако во всех этих версиях массовое производство протезов связано с войной 1812 г., о чем, со ссылкой на русские газеты, сообщает рассказчик «Повести».

С Англией, как уже говорилось выше, у России были выгодные торгово-экономические отношения. В России английские товары – такие, как сукно, фарфор, золотые, серебряные, стальные изделия, – были хорошо известны.

Они пользовались широким спросом благодаря высокому качеству и относительной дешевизне некоторых из них. Английское сукно было главным предметом торговли и доставлялось во многие страны именно через Россию: Иран, Крымское ханство, Ногайскую Орду (с середины XVI в.).

Особого внимания английское сукно было удостоено в начале XVIII в. Стабильный успех этой отрасли поддерживали и специальные законы, запрещающие экспорт сырой шерсти и импорт сукна. В России собственное производство к этому моменту уже было налажено, однако английский материал по-прежнему оставался в числе приоритетных – качественных и изысканных.

В ранней редакции второго тома «Мертвых душ» образ английского сукна становится одним из компонентов характеристики Чичикова, желающего произвести своим фракком на обитателей провинциального города впечатлительные солидности:

«Ставши спиной к товарам и лицом к покупателю, купец, с обнаженной головою и шляпой на отлете, еще раз приветствовал Чичикова. Потом надел шляпу и, приятно нагнувшись, обеими же руками упершись в стол, сказал так:

– Какого рода сукон-с? английских мануфактур или отечественной фабрикации предпочитаете?

– Отечественной фабрикации, – сказал Чичиков, – но только *именно лучшего сорта, который называется аглицким*» [2, т. VII, с. 235].

Ценность и высокую стоимость английского сукна признают герои и других произведений Гоголя. К примеру, Осип, слуга Хлестакова, рассуждая об издержках и нерациональных тратах своего барина, замечает: «Ей-богу, правда! И *сукно такое важное, аглицкое!* рублев полтора ста ему один фрак станет, а на рынке спустит рублей за двадцать; а о брюках и говорить нечего – нипочем идут» [Там же, т. IV, с. 27].

Моряк Жевакин, персонаж комедии «Женитьба», обращает внимание на качество ткани и ее непоколебимую прочность: «*Суконцо-то ведь аглицкое! Ведь каково носится!* В 95 году, когда была эскадра наша в Сицилии, купил я его еще мичманом и сшил с него мундир; в 801, при Павле Петровиче, я был сделан лейтенантом – сукно было совсем новешенькое; в 814 сделал экспедицию вокруг света, и вот только по швам немного поистерлось; в

815 вышел в отставку, только перелицевал: уж десять лет ношу, до сих пор почти что новый <...>» [2, т. V, с. 27].

Чтобы подтвердить качество товара, герои даже прибегают к обману: доказательство высшей категории – иностранный портной, а точнее – англичанин: «Портной, который стоял в полном торжестве, говорил только: “Будьте покойны, кроме Петербурга, *нигде так не сошьют*”. Портной был сам из Петербурга и на вывеске выставил: “*Иностранец из Лондона и Парижа*”. Шутить он не любил и двумя городами разом хотел заткнуть глотку всем другим портным так, чтобы впредь никто не появился с такими городами, а пусть себе пишет из какого-нибудь “Карлсеру” или “Копенгара” [Там же, т. VII, с. 247].

По словам гоголевских героев, любая вещь, а не только сукно, купленная в английском магазине, воспринимается как дорогая и качественная: «Что за шутки вздумал. До сих пор не могу очнуться от испуга. И зеркало вон разбил. Ведь это вещь не даровая: в английском магазине куплено» [Там же, т. V, с. 15].

Даже беглый, по необходимости, культурно-исторический анализ «английских образов» Гоголя позволяет говорить о двойственности восприятия образа Англии в творчестве писателя. С одной стороны, Англия предстает в нем как великая промышленная держава, родина полезных для человечества товаров и изделий, в отличие от дорогостоящих, но бесполезных французских, требующих бессмысленных трат в угоду моде. Об этом с негодованием говорит Чичиков после губернского бала: «В губернии неурожаи, дороговизна, так вот они за балы! Эк штука: разрядились в бабьи тряпки! Невидаль: что иная наворотела на себя тысячу рублей! А ведь на счет же крестьянских оброков или, что еще хуже, на счет совести нашего брата. Ведь известно, зачем берешь взятку и покрывишь душой: для того, чтобы жене достать на шаль или на разные роброны, провал их возьми, как их называют. А из чего? чтобы не сказала какая-нибудь подстега Сидоровна, что на почтмейстерше лучше было платье, да из-за нее бух тысячу рублей» [Там же, т. VI, с. 174]. С другой стороны, Англия выступает как извечный соперник России, стремящийся ограничить ее роль в европейской политике. Что же касается восприятия Гоголем английской литературы, то здесь экономические и политические вопросы уходят на второй план. Ее высокая оценка остается

неизменной: «Сердцеведением и мудрым познанием жизни отзовется слово британца» [Там же, с. 107]. Но это уже тема другого исследования.

Список литературы

1. Беляев В.В. Россия и Наполеон в поэме Гоголя «Мертвые души» // Известия Саратов. ун-та. Новая серия. Сер. «Филология. Журналистика». 2009. Вып. 4. Т. 9. С. 65–70.
2. Булгарин Ф.В. Прогулка по тротуару Невского проспекта // Литературные листки. 1824. Ч. I, № 6. С. 227.
3. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений: в 14 т. / АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952.
4. Демидова Т.Э. Английская литература и творчество Н.В. Гоголя: учеб.-метод. пособие для студ. филол. фак. Ульяновск, 2014.
5. Дмитриева Е.Е. Н.В. Гоголь в западноевропейском контексте: между языками и культурами. М.: ИМЛИ РАН, 2011.
6. Елистратова А.А. Гоголь и проблемы западноевропейского романа / АН СССР; Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. М.: Наука, 1972.
7. Замыслова Е. Е. «Чужое» глазами Гоголя: по страницам поэмы «Мертвые души» и переписки. URL: <http://www.domgogolya.ru/science/researches/1566>.
8. Кочин Н.И. Кулибин: биография отдельного лица – Литературный материал. М.: Мол. гвардия, 1940.
9. Лившиц Е.И. Английский контекст творчества Гоголя, Н.В. Гоголь и Ч.Р. Метьюрин: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: РГГУ, 2001.
10. Мальчукова Т.Г. К вопросу об источниках Пушкинских морских образов // Учен. зап. Петрозавод. гос. ун-та. Сер.: Общественные и гуманитарные науки. 2012. № 3. С. 68–74.
11. Манн Ю.В. Гоголь. Книга третья. Завершение пути: 1845–1852. М.: РГГУ, 2013.
12. Одинцов Д.С., Аксенова С.В., Пакалина Е.Н. 100 великих русских изобретений. М.: Вече, 2013.
13. Орлов А.А. «Теперь я вижу англичан вблизи...»: Британия и британцы в представлениях россиян о мире и о себе (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.). Очерки. М.: «Гиперборея»: «Кучково поле», 2008.
14. Отечественная война и русское общество. Юб. изд. 1812–1912 / ред. А. К. Дживелегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичета; Ист. комис. учеб. отд. ОРТЗ. Т. 5. М.: И. Д. Сыгин, 1912.
15. Павлов Э. Первый русский бренд – «сделано Кулибиным» // Умное производство. 2013. № 3 (23). С. 89–96.

16. Павловская А.В. Русский мир: в 2 т. М., 2009. URL: <http://www.gastac.ru/library/%D0%BD%D0%B0%D1%88%D0%B8-%D1%82%D1%80%D1%83%D0%B4%D1%8B/russian.html>.
17. Папилова Е.В. Имагология как гуманитарная дисциплина // Вестник МГГУ им. Шолохова. Филологические науки. 2011. №1. С. 31–40.
18. Полевой Н. «Вечера на хуторе близ Диканьки» // Московский телеграф. 1831. № 17. С. 91–95.
19. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 7. Критика и публицистика. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978.
20. Чайка А.А. Роль Великобритании в Отечественной войне 1812 года, или Был ли у России настоящий союзник. URL : <http://www.readera.org/other/rol-velykobrytanyy-v-otechestvennoj-vojne-1812-goda-lyly-byly-u-rossyy-10336864.html>.
21. Яновская Ж.И. Кулибин. Л.: Дет. лит., 1985. С. 107.
12. Odincov D.S., Aksenova S.V., Pakalina E.N. 100 velikih russkikh izobretenij. M.: Veche, 2013.
13. Orlov A.A. «Teper' ja vizhu anglichan vblizi...»: Britaniya i britancy v predstavlenijah rossijan o mire i o sebe (vtoraja polovina XVIII – pervaja polovina XIX v.). Ocherki. M.: «Giperboreja»: «Kuchkovo pole», 2008.
14. Otechestvennaja vojna i russkoe obshhestvo. Jub. izd. 1812–1912 / red. A. K. Dzhivelegova, S. P. Mel'gunova, V. I. Picheta; Ist. komis. ucheb. otd. ORTZ. T. 5. M.: I. D. Sytin, 1912.
15. Pavlov Je. Pervyj russkij brend – «sdelano Kulibiny» // Umnoe proizvodstvo. 2013. № 3 (23). S. 89–96.
16. Pavlovskaja A.V. Russkij mir: v 2 t. M., 2009. URL: <http://www.gastac.ru/library/%D0%BD%D0%B0%D1%88%D0%B8-%D1%82%D1%80%D1%83%D0%B4%D1%8B/russian.html>.
17. Papilova E.V. Imagologija kak gumanitarnaja disciplina // Vestnik MGGU im. Sholohova. Filologicheskie nauki. 2011. №1. S. 31–40.
18. Polevoj N. «Vechera na hutore bliz Dikan'ki» // Moskovskij telegraf. 1831. № 17. S. 91–95.
19. Pushkin A.S. Polnoe sobranie sochinenij: V 10 t. T. 7. Kritika i publicistika. L.: Nauka. Leningr. otdnie, 1978.
20. Chajka A.A. Rol' Velikobritanii v Otechestvennoj vojne 1812 goda, ili Byl li u Rossii nastojashhij sojuznik. URL : <http://www.readera.org/other/rol-velykobrytanyy-v-otechestvennoj-vojne-1812-goda-lyly-byly-u-rossyy-10336864.html>.
21. Janovskaja Zh.I. Kulibin. L.: Det. lit., 1985. S.107.

* * *

1. Beljaev V.V. Rossija i Napoleon v pojeme Gogolja «Mertvye dushi» // Izvestija Saratov. un-ta. Novaja serija. Ser. «Filologija. Zhurnalistika». Vyp. 4. Saratov: Saratov. gos. un-t, 2009. T. 9. S. 65–70.
2. Bulgarin F.V. Progulka po trotuaru Nevskogo prospekta // Literaturnye listki. 1824. Ch. I, № 6. S. 227.
3. Gogol' N.V. Polnoe sobranie sochinenij: v 14 t. / AN SSSR; In-t rus. lit. (Pushkin. Dom). M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1937–1952.
4. Demidova T.Je. Anglijskaja literatura i tvorcestvo N.V. Gogolja: ucheb.-metod. posobie dlja stud. filol. fak. Ul'janovsk, 2014.
5. Dmitrieva E.E. N.V. Gogol' v zapadnoevropejskom kontekste: mezhdju jazykami i kul'turami. M.: IMLI RAN, 2011.
6. Elistratova A.A. Gogol' i problemy zapadnoevropejskogo romana / AN SSSR; In-t mirovoj lit. im. A. M. Gor'kogo. M.: Nauka, 1972.
7. Zamslova E. E. «Chuzhoe» glazami Gogolja: po stranicam pojemy «Mertvye dushi» i perepiski. URL: <http://www.domgogolya.ru/science/researches/1566>.
8. Kochin N.I. Kulibin: biografija ot del'nogo lica – Literaturnyj material. M.: Mol. gvardija, 1940.
9. Livshic E.I. Anglijskij kontekst tvorcestva Gogolja, N.V. Gogol' i Ch.R. Met'jurin: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M.: RGGU, 2001.
10. Mal'chukova T.G. K voprosu ob istochnikah Pushkinskikh morskikh obrazov // Uchen. zap. Petrozavod. gos. un-ta. Ser. : Obshhestvennye i gumanitarnye nauki. 2012. № 3. S. 68–74.
11. Mann Ju.V. Gogol'. Kniga tret'ja. Zavershenie puti: 1845–1852. M.: RGGU, 2013.

Image of England in the creative mind of N.V. Gogol

The English context of the creative work of N.V. Gogol is analyzed from the position of imagology in this article. The historical and cultural connotations of the English realities in the works by this writer are found out; the correlation of the stereotypes of the national mind and author's perception of the image of England in the poetics by Gogol is described.

Key words: *imagology, Gogol, image of England, English context, "yours – other's".*

(Статья поступила в редакцию 27.04.2016)